

№6 декабрь
2014 г.

ЗНАМЕНСКИЙ Храм Знамени Пресвятой Богородицы в Дубровицах ВЛАГОВЕСТНИК

Московская
епархия

Христос рождается — славьте!
Христос (грядет) с небес — встречайте!

Литургия в пещере Рождества Христова в Вифлееме

В номере:

Святитель Феофан Затворник о празднике Рождества Христова	2
«Радуйся, Владычице, знамение милости Твояе нам являющая!»	4
Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский	6
Прогресс и преображение	10
Рождественские истории	16
Расписание Богослужений	20

Святитель Феофан Затворник о празднике Рождества Христова

Слава Тебе, Господи! И еще дождался мы светлых дней Рождества Христова, повеселимся же теперь и порадуемся. Святая Церковь нарочно для того, чтоб возвысить наше веселие в эти дни, учредила пред ними пост — некоторое стеснение, чтобы, вступая в них, мы чувствовали себя как бы исходящими на свободу. При всем том, она никак не хочет, чтобы мы предавались услаждению только чувств и одним удовольствиям плотским. Но истари, наименовав эти дни святками, требует, чтоб самое веселие наше в течение их было свято, как они святы. А чтоб не забылся кто, веселясь, она вложила в уста нам краткую песнь во славу рождшегося Христа, которую остепеняет плоть и возвышает дух, указывая ему достойные дней сих занятия: Христос рождается — славите. Славьте же Христа, и славьте так, чтоб этим славословием усладилась душа и сердце, и тем заглушился позыв ко всякому другому делу и занятию, обещающему какую-либо утеху.

Славьте Христа: это не то, что — составляйте длинные хвалебные песни Христу, — нет; но если, помышляя или слушая о Рождестве Христа Спасителя, вы невольно из глубины

души воскликнете: слава Тебе, Господи, что родился Христос! — этого и довольно; это будет тихая песнь сердца, которая пройдет, однако ж, небеса и внидет к Самому Богу. Воспроизведите немного пояснее то, что совершено для нас Господом, — и вы увидите, как естественно ныне нам такое воззвание. Чтоб это было для нас легче, приравняем к сему следующие

случаи. Заключенному в темнице и закованному в узы царь обещал свободу... Ждет заключенный день-другой, ждет месяцы и годы... не видит исполнения, но не теряет надежды, веря цареву слову. Наконец показались признаки, что скоро-скоро; внимание его напрягается; он слы-

шит шум приближающихся с веселым говором; вот спадают запоры — и входит избавитель... Слава Тебе, Господи! восклицает невольно узник. — Пришел конец моему заключению, скоро увижу свет Божий! Другой случай: больной, покрытый ранами и ослабленный всеми членами, переиспытал все лекарства и много переменял врачей; терпение его истощилось — и он готов был предаться отчаянному гореванию. Ему говорят: есть еще искуснейший врач, всех вылечивает, и именно от таких болезней, как твоя; мы просили его — обещал прийти. Больной верит, возникает к надежде и ждет обещанного... Проходит час, другой, более, — беспокойство снова начинает точить душу его... Уже под вечер кто-то подъехал... идет... отворилась дверь — и входит желанный... Слава Тебе, Господи! — вскрикивает больной. Вот и еще случай: нависла грозная туча; мрак покрыл лицо земли; гром потрясает основания гор, и молнии прорезывают небо из края в край: от этого все в страхе, словно настал конец мира. Когда же потом гроза производит и небо проясняется, всякий, свободно вздыхая, говорит: слава Тебе, Господи! Приблизьте эти случаи

к себе, и увидите, что в них вся наша история. Грозная туча гнева Божия была над нами — пришел Господь-Примиритель и разогнал эту тучу. Мы были покрыты ранами грехов и страстей — пришел Врач душ и исцелил нас... Были мы в узах рабства — пришел Освободитель и разрешил узы наши... Приблизьте все это к сердцу своему и воспримите чувствами своими — и вы не удержитесь, чтоб не воскликнуть: слава Тебе, Господи, что родился Христос!

Не усиливаюсь словами моими привить к вам такую радость: это недоступно ни для какого слова. Дело, совершенное рождшимся Господом, касается каждого из нас. Вступающие в общение с Ним приемлют от Него свободу, врачевство, мир, обладают всем этим и вкушают сладость того. Тем, кои испытывают это в себе, незачем говорить: «Радуйтесь», потому что они не могут не радоваться, а тем, которые не испытывают, что говорить: «Радуйтесь», они не могут радоваться. Священный по рукам и ногам, сколько ни говори ему: «Радуйся избавлению» — не возрадуется: покрытому ранами грехов откуда придет радость врачевания? Как вздохнет свободно устрашаемый грозой гнева Божия? Таким можно только сказать: «Пойдите вы к Младенцу повитому,

лежащему в яслех, и ищите у Него избавления от всех обдергающих вас (обладающих вами) зол, ибо этот Младенец — Христос, Спас мира».

Желалось бы видеть всех радующимися именно этою радостью и не хотящими знать других радостей: но не все сущие от Израиля суть Израиль. Начнутся теперь увеселения пустые, буйные, разжигающие похоти: глазерство, кружение, оборотничество. Любящим все это сколько ни говори: «Укротитесь» — они затыкают уши свои и не внемлют, и всегда доведут светлые дни праздника до того, что заставят милостивого Господа отворотить очи Свои от нас и сказать: «Мерзость Мне все эти празднества ваши!» И действительно, многие из наших увеселений общественных суть воистину мерзость языческая, то есть одни прямо перенесены к нам из языческого мира, а другие, хотя и позже явились, но пропитаны духом язычества. И как будто нарочно они изобретаются в большем количестве в дни Рождества и Пасхи. Увлекаясь ими, мы даем князю мира — мучителю своему, противнику Божию, повод говорить к Богу: «Что сделал Ты мне Рождеством Своим и Воскресением? Все ко мне идут!» Но да проносятся чаще во глубине сердца нашего слова 50-го псал-

ма: оправдится Господь во словесех Своих и победит, вегда судити Ему...

Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие, оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет, а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает, и, ведая сие, веселитесь и радуйтесь в эти дни со страхом. Освятите светлый праздник святыми делами, занятиями и увеселениями, чтоб все, смотря на нас, сказали: «У них святки, а не буйные какие-нибудь игрища нечестивцев и развратников, не знающих Бога».

«Радуйся, Владычице,

знамение милости Твояе нам являющая!»

Не раз на Руси брат шел на брата. Скорбела тогда, печалилась Заступница земли Русской Пресвятая Богородица. Ведь ее чудесный, благодатный Покров всегда укрывал наше Отечество от напастей и бед, когда ладили между собой русские люди. А если они за оружие берутся и выступают друг на друга, брат на брата, за кого же Божие Матери молиться, кого спасать? Вот тогда слезы скорби текли из очей Богородицы, как это было во время осады Новгорода суздальцами и их союзниками в 1170 г. Ее образ, вынесенный на стены оборонявшимися новгородцами, был поражен стрелой обезумевших суздальцев - и тогда свершилось чудо. Икона повернулась к городу и из очей Богородицы потекли слезы. А нападавшие как будто ослепли и стали стрелять друг в друга. Так Богородица дала знамение своей милости. Над левым оком Новгородской иконы сохранился след от стрелы. Икона была окружена любовью и почитанием новгородцев, которые усилились после эпидемии чумы в 1352 г., когда множество больных получили от нее помощь и исцеление. Для нее был выстроен Знаменский храм, а ныне она пребывает в Софийском соборе Новгорода.

Икона, получившая у нас на Руси название «Знамение», представляет собой очень древний иконографический тип, именуемый «Оранта», то есть «Молящаяся». За весь род человеческий возносит молитвы к Сыну Божию Царица Небесная. В Греции иконы такого типа называют изображениями Рождества Христова. Одной из причин этого послужили слова пророка Исаии: «Сам Господь даст вам знамение: се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут ему имя: Еммануил». И только в России подобные иконы стали называться «Знаменем», что означает явленный знак милости Богоматери. С Новгородского образа было сделано много чудотворных списков: Аблацкая, Серафимо-Понетаевская, Курская-Коренная и другие. Может быть, неслучайно и тоже знаменательно, что одна из них - Курская-Коренная в годы Гражданской войны в начале XX века была вывезена из России, и всегда была главной святыней православных русских людей, пребывающих в эмиграции далеко от Родины. Сейчас она находится в США.

Еще одной из самых почитаемых икон «Знамение» стал Царскосельский образ Пресвятой Богородицы. Он был подарен второму царю из рода Романовых Алексею Михайловичу Константинопольским патриархом Афанасием в 1653 г. Она была келейной иконой царской семьи около ста лет. В середине XVIII века дочь императора Петра I Елизавета Петровна перенесла икону в Знаменскую церковь Царского Села рядом с Петербургом. Замечательно, что, сделавшись императрицей, Елизавета I издала манифест о своем восшествии на престол 10 декабря в день празднования иконы Божией Матери Знамение. Икону поместили в верхнем ряду иконостаса Знаменской церк-

Царскосельская икона Божией Матери

ви над образом Тайной вечери. В 1831 г. в России вспыхнула эпидемия холеры. В Петербурге ежедневно умирало до 600 человек. Царскосельские жители обнесли икону Знамения вокруг города крестным ходом, и холера не коснулась Царского Села. После такой чудесной помощи по просьбе жителей икона была помещена в киот и поставлена в правом приделе, а не в иконостасе,

чтобы все богомольцы могли приложиться к чудотворному образу.

У великого Пушкина, шесть лет учившегося в Царскосельском лицее (1811-1817 гг.) в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» есть такие строки:

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая Жена
Над школою надзор хранила строго.
... Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров
И полные святыни словеса.

Пушкин тогда был еще юным беспечным отроком, вместе с лицеистами посещавшим Знаменский храм в праздники.

Царскосельская икона имела едва ли не самое великолепное убранство среди других православных святынь России, потому что на ее украшение всегда вносили большие пожертвования все русские самодержцы.

В начале XX века для царской семьи был сделан список с чудотворного образа. Перед ним царица Александра Феодоровна, супруга последнего русского императора Николая II, молилась во время Первой мировой войны, когда государь принял на себя командование армией и уехал в Ставку на фронт. В начале лета 1916 г. царица повелела отснять множество фотокопий Царскосельской иконы для распространения их среди народа, и в первую очередь среди солдат и офицеров действующей армии. Фотоконки, освященные в Знаменской церкви, были небольшими по размеру, чтобы их, как ладанку, удобно было носить на груди.

Но не прекратились в нашей стране братоубийственные войны. Богоборцы, захватившие власть в 1917 г., ненавидели Царскосельский образ, считая его «монархическим» и «контрреволюционным». Но они не посмели его тронуть, в Знаменскую церковь даже после убийства царской семьи собирались люди на молитву, прося у Матери Божией заступничества за землю Русскую.

Во время гонений на Церковь икона чудесным образом избежала гибели. Но однажды она все-таки покинула Россию. В 1941 г. Царское Село заняли немцы, а через три года при отступлении вывезли из Знаменского храма Царскосельскую икону вместе с другими святынями. Вскоре ее обнаружили в освобожденной Риге в бро-

шенном немцами автомобильном прицепе. Чудотворную икону с разрешения Сталина передали митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию. Ее перенесли в 1948 г. в Ленинградскую духовную академию в церковь св. Иоанна Богослова, где она находится и поныне.

А в изгнании в Тобольске за полгода до принятия мученической смерти императрица Александра Феодоровна молилась перед Абалацкой иконой Знамение, которую принесли в домашнюю церковь для царской семьи. Образки с Абалацкой иконой она посылала из заточения немногим друзьям, оставшимся преданными царской семье.

Вот и сейчас возможно настал такой

Абалацкая икона Божией Матерью

момент, когда особенно надо усилить наши молитвы к Богородице перед ее образом Знамение, прося ее милости и помощи в трудное время для нашей Родины.

В этом году, несмотря на будний день, 10 декабря на престольный праздник в наш храм собралось более 200 человек. Все горячо молились об умирении наших сердец, о прекращении вражды и неприязни.

Напоминаем, что еженедельно по вторникам в 17 часов в нашем храме совершается молебен с акафистом перед иконой Знамение. Это соборное молебное пение очень сейчас необходимо всем нам. Слышит всегда Царица Небесная нашу мольбу, соединенную со слезами покаяния.

28 декабря - память священномученика и исповедника

архиепископа Илариона (Троицкого)

10 мая 1999 года в Московском Сретенском монастыре за Божественной литургией было совершено прославление в лике местночтимых святых архиепископа Илариона (Троицкого) - современника и сподвижника святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. Память его совершается 28 декабря (н.с.).

В истории Русской Православной Церкви XX века священномученик Иларион занимает особое место.

Он родился 13 сентября 1886 года в селе Липицы Серпуховского уезда Тульской губернии в семье сельского священника. Его отец Алексей, дед Петр Троицкие, а впоследствии и брат служили в Благовещенском храме с. Липицы. Воспитывался будущий архипастырь в атмосфере строгой церковности и традиций православного благочестия. Мама его умерла рано, и детей воспитывала сестра мамы Надежда, которая была учительницей приходской школы. Володя Троицкий сам научился читать и с ранних лет участвовал в богослужении. Его благословляли читать часы и шестопсалмие. Он очень хотел учиться, стать образованным человеком. Однажды семилетний Володя, взяв за руку трехлетнего брата, сам отправился в город в школу. По дороге братик заплакал и стал проситься домой, на что Владимир строго сказал: «Ну, оставайся неученым!» Остаться неученым - больше всего страшило его.

Блестяще окончив Тульское Духовное училище, Тульскую Духовную се-

минарию, в 1906 г. поступил в Московскую Духовную академию. Владимир Троицкий заведывал издательским отделом МДА, занимаясь изданием и распространением листов духовно-нравственного содержания для простого народа, участвовал в опеке школы-приюта для 8-9-летних детей, обслуживаемой студентами.

За выдающиеся успехи он дважды посылался за границу. В 1908 г. с группой студентов и преподавателей МДА он посетил страны христианского Востока: Сербию, Болгарию, Грецию, Афон. «Самая главная черта византизма, - писал Владимир Троицкий в книге «От Академии до Афона», - проникновение всей жизни религиозными началами и интересами, - это дивное сочетание небесного и земного, это - настоящее богочеловечество, а не наше современное человекобожество». Другое путешествие, совершенное им в 1912 г. по западным государствам описано в «Письмах о Западе».

В стенах «академии у Троицы» сформировались богословские воззрения и определились научные интересы будущего архипастыря. В историю русской богословской мысли владыка Иларион вошел преимущественно как ученый, посвятивший свою деятельность раскрытию православного учения о Церкви. Вот какие слова обращал к студентам 26-летний преподаватель Академии: «Всякая деятельность в основе своей имеет дарование Духа, а по своему обнаружению и

по целям она должна быть церковным служением... Не ради нас даны нам силы душевные и способности различные, а ради Церкви, и не себе должны мы угождать своей деятельностью, а Церкви... Ведь только Церковь дает смысл и цену земному бытию... Если не служить Церкви - нет никакого смысла всякой деятельности и нет никакого смысла и незачем жить на Божьем свете». Научная деятельность не исключается из такого всецелого служения. В 1913 г. будущий владыка защитил магистерскую диссертацию «Очерки из истории догмата о Церкви». Этот труд будущего исповедника и защитника Церкви от ереси обновленчества стал не только раздумьями об истории догмата, но и апологией единства и святости Церкви.

В том же 1913 году, 28 марта, Владимир был пострижен в монашество с именем Иларион в честь подвижника VIII века Илариона Нового. «Я сам принял пострижение и думаю, что не придется в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда... Так все ликовало в душе, так радостно было...», вспоминал потом отец Иларион. Было ему тогда 27 лет. 2 июня того же года святитель Макарий, митрополит Московский и Коломенский, совершил его иерейскую хиротонию.

Менее десятилетия было отпущено ему для научно-богословской работы. Главная тема всех его трудов: «Верую во Едину, Свя-

тую, Соборную и Апостольскую Церковь!». Одаренный проповедник, автор многих церковно-научных и публицистических работ, оказавших значительное влияние на развитие отечественной богословской мысли, отец Иларион в то же время обладал подлинным талантом руководителя.

В марте 1917 года он был назначен ректором Московской Духовной академии, затем принимал активное участие в подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 годов, собора будущих исповедников и мучеников, засвидетельствовавших свою веру кровью, собора тех, кто богословствовал прежде всего своей жизнью.

Ректор Академии энергично и решительно выступил в поддержку восстановления Патриаршества на Руси. И когда 28 октября члены Собора, приняв постановление о восстановлении патриаршества, приступили к избранию Патриарха, кандидатом в Патриархи был выдвинут и 32-летний архимандрит Иларион. В этом выразилось признание его роли в принятии исторического постановления. Когда жребий пал на святителя Тихона, молодой богослов не мог скрыть слез радости и умиления во время торжественного всемосковского крестного хода. Восстановление патриаршества в Русской Церкви было его заветным желанием. Он стал ближайшим и верным помощником Патриарха Тихона.

В 1920 г. он был призван к архиерейскому служению и хиротонисан патриархом

Тихоном во епископа Верейского, викария Московской епархии.

Начался путь избранника Божия на Голгофу вместе с Патриархом, с Церковью, с любимой им Россией.

Москвичи того вре-

мени запомнили Владыку – его чисто русскую внешность, богатырскую фигуру, его глубокое человеческое обаяние, смиренный и вместе с тем веселый нрав, его пламенную пастырскую ревность, близость к своим пасомым, особенно к молодежи. Но эти же самые достоинства восстановили против него советскую власть.

В 1919 г. Владыка Иларион два месяца провел в Бутырской тюрьме. В 1921 г. он был арестован и сослан в Архангельскую область, где провел два года в концентрационном лагере в кошмарных условиях.

В период, когда Вла-

дыка после освобождения вернулся в Москву, Церкви стал угрожать обновленческий раскол. Воспользовавшись тяжелой ситуацией, вызванной страшным голодом, голодными бунтами, напряжением в связи с изъятием церковных ценностей, вскрытием и поруганием мощей, обновленцы обманом захватили церковное управление при поддержке со стороны безбожной власти. В мае 1923 года обновленцы провели разбойничий собор и «лишили сана и монашества бывшего патриарха Тихона». В этот сложный момент проявились у владыки Илариона выдающиеся способности гибкого администратора и тонкого политика. Он решался идти на вынужденные компромиссы политического характера с властью, чтобы отстоять чистоту православной веры, отстоять Церковь, которой грозило внутреннее разрушение, страшная подмена Церкви - Тела Христова еретическим обществом, которое будет именовать себя церковью. Сохранить Церковь - вот была задача Патриарха и его верного помощника Владыки Илариона. Святитель Иларион предвидел, что если не одурманенные и отрекшиеся от Церкви современники, то их дети и внуки все равно встанут перед вопросом, есть ли Бог, как к Нему прийти. И если через многие годы в России Церкви не будет, никто не ответит следующим поколениям на эти вопросы. Святитель Иларион вместе с Патриархом Тихоном мог бы сказать: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза».

Владыка разработал чин покаяния для обновленцев, благодаря его деятельности началось массовое возвращение клира и мирян в «тихоновскую» Церковь. Храмы, захваченные обновленцами, стали пустеть. Обновленческие храмы, возвращенные Церкви, заново освящали, этим Владыка Иларион подчеркивал еретический характер обновленчества. Здесь он был непримирим. Буквально в два дня церковная организация в Москве была восстановлена. В это же время москвичи могли быть свидетелями убедительных побед православного Владыки в диспутах с обновленческим лидером Введенским и возглавителем советского наркомпроса Луначарским.

В июне 1923 года Владыка Иларион был возведен в сан архиепископа, а в ноябре 1923 г. вновь арестован и осужден на три года концлагерей. Власти не могли простить ему деятельности по укреплению Церкви и разгрому обновленчества.

1 января 1924 года епископ Иларион прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове близ Кеми, а в июне был отправлен в Соловецкий лагерь.

В нечеловеческих условиях ГУЛАГа архиепископ Иларион с твердостью и достоинством совершал свой крестный путь, вызывая невольное уважение даже у своих палачей. Вот как пишет о нем в своей книге «Неугасимая лампада» другой соловецкий узник тех лет писатель Борис Ширяев: «С первого же дня его соловецкого жития имя Владыки окуталось легендой силы и славы... Легенда возникла и жила, потому что люди хоте-

ли видеть реальное воплощение духовной силы Церкви, ее несокрушимой твердыни, и самым подходящим объектом для этого воплоще-

Владыка Иларион в заключении на Соловках

ния был Владыка Иларион. Огромная внутренняя сила его проявилась с первых же дней по прибытии на каторгу. Он не был старейшим из заточенных иерархов, но разом получил в их среде признание высокого, если не первенствующего авторитета. Среди верующих мирян эта авторитетность его

достигла еще большей высоты... Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого Владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики: в разговоре с ним они никогда не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но и большинство уголовников считали какой-то необходимостью то злобно, то с грубым добродушием позиздеваться над «опиумом». Нередко охранники как бы невзначай называли его Владыкой. Обычно – официальным термином «заключенный». Кличкой «опиум», попом или товарищем – никогда никто».

Владыка Иларион всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда было нужно добиться чего-нибудь трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось получить для духовенства некоторое ослабление режима, перевести большинство духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность. Он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Остричь же стариков священников значило бы подвергнуть их новым издевательствам и оскорблениям.

Устраивая других – и духовенство, и мирян – на более легкие работы, Владыка Иларион не только не искал должности для себя, но и не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие орга-

низаторские способности. На Соловках Владыка был сетевязальщиком и рыбаком. Об этой работе он говорил переложением стихир на Троицын день: «Вся подает Дух Святой: прежде рыба бари богословцы показа, а теперь наоборот - богословцы рыба бари показа».

Владыка и в лагере не прекращал своей архипастырской деятельности, не гнушаясь общения с уго-

тящиеся огоньки, когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга».

Летом 1925 года архиепископа Илариона временно перевели из Соловков в Ярославский политизолятор: советская власть решила склонить авторитетного и любимого народом архиерея к поддержке возникшего в те годы нового, григорианского раскола. Попытка

из глубины храма, среди тишины северной ночи. И вот на улицу вышел крестный ход... «Христос воскресе» - «Воистину воскресе!» - прозвучало под торжественным куполом увенчанного сполохом неба. С победным, ликующим пением о погранной, побежденной смерти шли те, кому она грозила ежедневно, ежеминутно... Ликующий хор «сущих во гробе» славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла воскресение», - так писал об этой неповторимой заутрене Б. Ширяев.

В условиях неволи Владыка Иларион по-прежнему ощущал и действовал как православный иерарх, ответственный за положение Церкви, за свою паству.

Когда после смерти Патриарха Тихона в 1925 году возникли в Церкви новые разделения, угроза «исифлянства», Владыка твердо увещевал смотреть на попытки нарушить единство Церкви как на провокацию: «Никакого раскола!».

В конце 1929 года власти решили выслать святителя в Казахстан на вечное поселение. Владыку повезли этапным порядком - от одной пересылочной тюрьмы до другой. В Петербург его привезли в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы уже больным. Шестого декабря Владыку перевели из тюрьмы в больницу им. Гааза. С высокой температурой он шел пешком по городу, теряя последние силы. У него обнаружили сыпной тиф.

Многотрудный и скорбный путь Владыки завершился 15/28 декабря 1929 года. Священномученику было 43 года. Занимавший

Архиепископ Иларион (3-й слева в первом ряду) с группой заключенных священнослужителей СЛОНа

ловниками. Любовь его к человеку, внимание и интерес к каждому были поразительны. Однажды Б. Ширяев видел, как Владыка спас тонущего военкома Сухова. Ошеломленный чекист трижды перекрестился и невольному свидетелю сказал: «Молчи, а то в карцере сгною, день-то сегодня знаешь какой, Страстная Суббота».

Еще один соловецкий узник, оставивший воспоминания, писатель Олег Волков, тогда еще молодой человек, записал слова, сказанные ему Владыкой: «Надо верить, что Церковь устоит, без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются лишь крошечные, еле све-

«завербовать» Владыку завершилась неудачно: архипастыря вернули на Соловки, после этого он получил новый трехлетний срок. Владыка был сначала на Поповом острове, затем его перевели в Кремль, а потом «на Секирку» - в штафной изолятор, где смерть была обыденным явлением.

На Пасху 1926 года Владыка добился у начальника СЛОНа Эйхманса разрешения провести богослужение. «Пасхальная заутреня проходила в ветхом кладбищенском храме святого Онуфрия. Крохотная церковь не могла вместить даже лагерное духовенство... Кладбище было полно народу. Голос Владыки доносился

тогда Ленинградскую кафедру митрополит Серафим (Чичагов) добился разрешения взять тело для погребения. Митрополит Серафим, мученически скончавший свой путь на Бутовском полигоне, принес свое белое облачение и белую митру. Отпевание Владыки Илариона состоялось в Воскресенском соборе Новодевичьего монастыря, на кладбище которого он был затем похоронен.

Власти поставили условие, чтобы не было никакой торжественности отпевания и никаких надгробных речей. Но епископ Николай (Ярушевич), совершавший отпевание, прочитал заповеди блаженства так, что все присутствовавшие рыдали. Каждая из этих заповедей была исполнена святителем, о чем свидетельству-

ет все его житие. Исполнив все, назначенное ему от Господа, святитель Иларион с сонмом новомучеников и исповедников российских из горних обителей слушал молитву Церкви воинствующей: «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах». На отпевание и погребение стихийно пришло несколько тысяч верующих Петербурга. Народом был заполнен весь монастырский двор и прилегающее кладбище. Владыка Иларион, не проживший в период своего святительского служения и двух лет на свободе, по особому промыслу Божию закончил свой земной путь в северной столице, став предстателем и молитвенником и за петербургскую паству. Ныне его святые мощи покоятся в Сретенском монастыре Мо-

сквы, куда были перенесены для торжественного прославления Владыки в сонме новомучеников и исповедников в 1999 году.

Всегда движимый сыновней любовью к Матери - Церкви, архиепископ Иларион проходил на земле крестный путь исповеднического служения, а ныне ходатайствует перед Престолом Всевышнего о сохранении Русской Православной Церкви непреодолимой адовыми вратами. К нам ныне обращены слова святителя Илариона (Троицкого): «Для излечения разъедающих душу русскую ран, необходимо раскаяться в грехе против Церкви, возвратиться к вере отцов и дать православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной».

Прогресс и преображение священномученик Иларион (Троицкий)

Сто лет назад догорал костер европейского пожара, и тогда начала существовать Московская духовная академия. Зарево нового, еще более ужасного, европейского пожара освещает ее столетний юбилей. Против кого воевала наша Россия тогда, сто лет назад? Против Франции, против «просвещенной» передовой Франции. Тогда нашим врагом была страна, только что пережившая век Просвещения, Вольтера, революцию, страна, провозгласившая великие принципы свободы, равенства и братства и изобретшая гильотину для проведения в жизнь этих высоких принципов. Теперь мы воюем с Германией. Но не Германия ли за последнее время идет во главе европейской культуры и прогресса? Несомненно, она. По пути прогресса она бесспорно далеко опередила всех. Русский человек в Германии невольно изумляется тому, как много можно сделать для удобства жизни земной. В сознании невольно мелькает мысль: «Как далеко мы отстали!» Я сам испытал это, проезжая Германию от Торна до Кельна и Аахена. «Во всем, касающемся земного устройства, Германия

занимает первое место, играет роль школы цивилизации, ей принадлежит сейчас культурная гегемония, ибо вся современная фабрично-капиталистическая и научно-идеалистическая культура до известной степени «made in Germany», носит на себе печать германского духа».

Что же это за судьба России вести войны против передовых и культурнейших человеческих обществ? Что такое мы, русские, - разрушители или спасители европейской культуры? Я думаю, что наш разлад, наше противоречие с Европой лежит глубже наблюдаемой поверхности текущих событий; противоречие касается идейных основ самого жизнепонимания.

Те культурные успехи, которых достигли наши просвещенные противники, конечно, возможны только при том условии, если на достижение этих успехов обращена наибольшая доля народного внимания. Культурный прогресс для своего процветания непременно требует полного пред ним рабства со стороны человеческого общества. Культурный прогресс достигается скорее теми, для кого он стал своего рода идолом.

И то, конечно, несомненно, что для европейского сознания прогресс уже давно сделался не идеалом только, но именно идолом. Ведь слова «культура», «прогресс» и им подобные современным европейцем и нашими западниками произносятся прямо с каким-то благоговением; для них это слова священные.

Но не трудно показать, что прогресс и идейно, и практически неразрывно связан с войной, и с некоторого рода необходимостью из него вытекают даже жестокости и зверства немцев, о которых мы читаем теперь в газетах. Ведь идея прогресса есть приспособление к человеческой жизни общего принципа эволюции, а эволюционная теория есть узаконение борьбы за существование. В борьбе за существование погибают слабейшие и выживают наиболее к ней приспособленные. Перенесите борьбу за существование во взаимные отношения целых народов - вы получите войну и поймете смысл железного германского кулака. Война есть международная борьба за существование, а вооруженный кулак - наилучшее к этой борьбе приспособление. Но последнее слово эволюции сказано Ницше. Он указал цель дальнейшему развитию. Эта цель - сверхчеловек. По трупам слабых восходит на свою высоту сверхчеловек. Он жесток и безжалостен. Христианство с его кротостью, смирением, прощением и милосердием для Ницше отвратительно. Сверхчеловек должен навсегда порвать с христианскими добродетелями; для него они - порок и гибель. У Горького Игнат Гордеев поучает в ницшеанском духе своего сына Фому, как относиться к людям: «Тут... такое дело: упали, скажем, две доски в грязь - одна гнилая, а другая - хорошая, здоровая доска. Что ты тут должен сделать? В гнилой доске - какой прок? Ты оставь ее, пускай в грязи лежит по ней пройти можно, чтобы ног не замарать» («Фома Гордеев»).

Перенесите вы эти слова в политику, и вы получите политику Германии. Ведь разве не ищет Германия, какой бы народ затоптать в грязь, по которому пройти бы можно, «чтобы ног не замарать»? Германская политика, можно сказать, проникнута духом ницшеанства. «Deutschland, Deutschland uber alles!» - вот припев германского патриотизма. Слабые народы - это доски, по которым, не мараая ног, идет вперед по пути прогресса великий германский народ. Даже на большие народы, даже на русский народ германцы готовы смотреть как на навоз для удобрения той почвы, на которой должен расти и процветать германский

культурный прогресс. Для прогресса нужны богатства - так подайте их нам! Разоритесь сами и хоть с голоду помрите, но да здравствует наш германский прогресс! Смотрите, какая политическая дружба у просвещенной Германии уж с несомненными варварами - турками! «Восстановившим истинное христианство» протестантам магометане, оказывается, несравненно милее православных христиан. Почему? Да потому, что те уж не протестуют против грабительства немцев и покорно готовы стать народом-навозом. В прошлом году воевали на Балканах. Какое бы, казалось, дело немцам! Но когда особенно сильно замахали немцы мечом? Когда сербы подошли к Адриатическому морю. Маленький народ получил возможность вести свою торговлю и стать независимым от немцев экономически. Этого прогрессивная немецкая нация снести не могла. Немецкое бряцание мечом в этом случае можно передать словами: «Не смей! Вы должны работать, а обогащаться можем только мы, потому что это необходимо для культурного процветания нашей подлинно просвещенной страны». И вот теперь запылала Европа, подоженная немцами!

Так открывается неразрывная и существенная связь прогресса с войной и жестокостью. Железо и меч прокладывают человечеству дорогу вперед. Колесница прогресса едет по трупам и оставляет позади себя кровавый след.

Война - это лучший показатель внутреннего существа культурного прогресса, и в этом внутреннем существе прогресса открывается ужасная трагедия. Что, в самом деле, прогрессирует быстрее всего? Несравненно быстрее культурных удобств жизни прогрессируют орудия войны, то есть орудия уничтожения и человеческой культуры, и самой человеческой жизни. Броненосец стареет гораздо скорее человека: имея двадцать лет от роду, броненосец уж негодный старик. Так быстро идет совершенствование орудий смерти! Десять лет назад мы еще не знали слова «аэроплан», а теперь уже читаем о войне в воздухе. Жизнь еще не получила пользы от аэропланов, а смерть без них уж не может обойтись на кровавых полях брани. Страшно вообразить себе современную войну с ее ужасными орудиями и громадными снарядами, с минами и фугасами, с бомбами и шрапнелями, с волчьими ямами и проволочными заграждениями. Ведь это же какой-то ад и безумие! Войны недавнего прошедшего столетия порою кажутся дет-

скими забавами. Это - прогресс! Поэтому и можем мы сказать, что война - это самопроклятие прогресса!

Но русский гений выносит суровый приговор европейской цивилизации и прогрессу со своей особенной точки зрения, с точки зрения своего идеала, существенно отличного от европейского идеала прогресса. В турецкую войну Достоевский писал в своем «Дневнике»: «Между этими привезенными в Москву славянскими детьми... [есть] один ребенок, девочка лет восьми или девяти, которая часто падает в обморок и за которую особенно ухаживают. Падает она в обморок от воспоминания: она сама, своими глазами, видела нынешним летом, как с отца ее сдирали черкесы кожу и - содрали всю. Это воспоминание при ней неотступно и, вероятнее всего, останется навсегда, может быть, с годами в смягченном виде, хотя, впрочем, не знаю, может ли тут быть смягченный вид. О цивилизация! О Европа, которая столь пострадает в своих интересах, если серьезно запретит туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей! Эти столь высшие интересы европейской цивилизации, конечно, - торговля, мореплавание, рынки, фабрики, - что может быть выше в глазах Европы? Это такие интересы, до которых и дотронуться даже не позволено не только пальцем, но даже мыслью, но - но «да будут они прокляты, эти интересы европейской цивилизации!» ...Я за честь считаю присоединиться к этому восклицанию: да! да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже сама цивилизация, если для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу. Но, однако же, это факт: для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу!». Вот с чем не может примириться русская совесть! Кожа человека, хотя бы и маленького и ничтожного, для русской совести дороже самых грандиозных успехов прогресса. Видит русская совесть, что для успеха цивилизации необходимо сдирать с людей кожу, - и не может успокоиться никакими речами о культуре и прогрессе. Это потому, конечно, что русская совесть имеет свой идеал, существенно отличный от европейского идола прогресса.

Где же и в чем этот идеал? Вместе со старыми славянофилами мы можем утверждать, что дух славянства определяется Православием. Жизненный идеал славянства есть религиозный идеал Православия.

Но в чем религиозный идеал Православия? Идеал Православия есть не прогресс, но преображение. О преображении человеческого естества говорит Новый За-

вет. О новом рождении говорил Христос Никодиму. По слову апостола Павла, кто во Христе, тот новая тварь (2Кор.5:17). Люди должны носить образ Адама небесного (1Кор.15:49). От славы в славу преобразуются они от Духа Господня (см.: 2Кор.3:18). Происходит облечение в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины (Еф.4:24). «Будет новое небо и новая земля!» - говорил Господь устами древнего пророка (см.: Ис.65:17). Нового неба и новой земли христиане ожидают по слову апостола Петра (2Пет.3:13). Процесс преображения человеческого естества и твари земной будет развиваться неизменно и неуклонно, пока не скажет Сидящий на престоле: се, творю все новое!.. совершилось! Я есть Альфа и Омега (Откр.21:5-6). Некогда все покорится Сыну, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем (1Кор.15:28). Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперед в одной и той же плоскости. Новый Завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперед, а вверх, к Небу, к Богу. В своем кратком итоге Новый Завет гласит: Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф.5:48).

Идеалом преображения жило древнее христианство. Прочтите христианские писания первых двух веков - и вы увидите, как проникнуты они этой идеей нового человека. «Мы - новый народ!» - смело говорят христиане даже пред лицом языческого мира. Христианин - новый, как бы только что родившийся человек... Так повсюду эта идея нового человека, не прогрессивного, а нового; всюду идеал внутреннего преображения, а не внешнего прогресса.

В период расцвета богословской церковной мысли в церковном богословии существенное значение получает идея обожения, которую вы найдете у всех величайших богословов Церкви начиная с IV века. Эта идея опять ставит пред христианским сознанием как цель преображение, а не прогресс.

Наконец, идея обожения и преображения навсегда утвердилась в церковном богослужении. Наше богослужение - не слащаво-сентиментальное завывание самодовольного буржуа-протестанта в своей кирхе, не боязливая просьба несчастного католика о пощаде и помиловании, наше богослужение - гимн человека из тьмы и сени смертной, из глубокой бездны греховной порывающегося к святости, к чистоте,

к Богу и к Небу, на гору Преображения. Православная Церковь поет: «Во всего Адама облекся, Христе, очерневшее изменив, просветил еси древле естество, и изменением зрака Твоего богосоделал еси». В воплощении Сына Божия усматривает Церковь основу и залог преобразования и всего естества человеческого, а потому и приглашает своих чад: «Востаните, ленивии, иже всегда низу поникшии в землю... возмнитесь и возвыситесь на высоту Божественного восхождения».

Итак, идеал Православия есть преобразование, а не прогресс. Не в материальном, хотя бы и самом блестящем, прогрессе усматривает свое спасение православное сознание, но с Ареопагитом исповедует, что «спасение не иначе может быть совершено, как через обожение спасаемых. Обожение же есть уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним».

При их проведении в жизнь идеалы прогресса и преобразования, конечно, оказываются весьма различными. Их различие, и даже порою полная противоположность, обнаруживаются в культуре. В культуре, говорю, потому что и эволюционно-позитивное мировоззрение европейских народов пытается порою создавать свой собственный культ. Европейец преклонял колена пред богиней разума, потом пред человечеством, вписывал в свои святцы имена великих людей. В Париже некогда христианский храм был обращен в Пантеон, где и теперь в довольно-таки непривлекательном и запущенном подземелье хранится давно истлевший прах Руссо, Вольтера и разных деятелей «великой» французской революции. По всем немецким городам едва не на каждом перекрестке то просто стоят, то сидят на коне фигуры Фридрихов, Вильгельмов или Бисмарка. Все это - прегордые фараоны прогресса, славные завоеватели, творцы великих культурных событий. Но загляните в православные церковные святцы. Там тоже увидите великих и прославляемых. Но кто изображен на тех иконах, вокруг которых мы совершаем каждение, пред которыми мы поем величание и которые мы, сотворив земное поклонение, благоговейно лобызаем? Здесь изображены преимущественно отшельники, пустыnnики. Они не только не были деятелями прогресса, но почти всегда принципиально его отрицали. Зато они, живя на земле, преобразались, часто сияли Фаворским светом и на молитве возносились от земли на воздух. Церковь остается верна своему идеалу преобразования и в век пара, электричества и авиации канонизует

смиранных и некультурных подвижников. За последнее время и у нас навязываются народу разные монументы. Плохо понятны они народу, потому что православное сознание понимает один памятник - храм, посвященный имени святого, а не великого только.

Я уже сказал, что идеалом Православия определяется дух славянства, в частности дух великого народа русского. Воспитанный главным образом Православной Церковью, русский народ в своем сознании всегда носит высокий идеал преобразования, и в свете этого идеала западно-европейский идеал прогресса кажется чем-то низким, а иногда даже противным. Вот почему при всем своем смирении русский народ всегда относится к европейцу свысока. Пред Западом готова ведь раболепно пресмыкаться только оторвавшаяся от народа интеллигенция. У русского же народа всегда несколько скептическое отношение к западно-европейскому прогрессу. Ему ясно и понятно, что за чечевичную похлебку культурной жизни европейец продал невозвратно права Божественного первородства. Немец душу черту продал, а русский так отдал, и в этом несомненное превосходство русского, потому что он так же и уйти от черта может, а немцу выкупиться нечем.

Вся культурная и политическая деятельность русскому кажется только поделием, на которое грешно отдать свою душу целиком.

Европейец очень высоко ценит всякие громкие права, касающиеся жизни земной. Мало у него тоски по надзвездным мирам. Отсюда дешевый душевный покой европейца и его поразительное самодовольство. Русскому это самодовольство противно. Не напрасно даже такой западник, как Герцен, назвал его мещанством, а наш византиец Константин Леонтьев не мог об этом мещанстве говорить без отвращения.

Русский не может стать европейцем, ограниченным и самодовольным, потому что «русскому, - по словам Достоевского, - необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться; дешевле он не примирится». Отбившись от народной веры и жизни - что стало случаться после петровского «окна в Европу» - русский делается скитальцем. Этот тип скитальца, по толкованию Достоевского, впервые в литературе указал Пушкин, у которого Алеко бежит к цыганам. Такими искателями и скитальцами полна русская литература до последних дней. Но еще у Пушкина полудикий цыган поучает европейца:

«Оставь нас, гордый человек!
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ты зол и смел - оставь же нас».

Это поучение цыгана раскрывает в своей пушкинской речи Достоевский. «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве. Не вне тебя правда, а в тебе самом? найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя - и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его».

Чем дальше от народа и Православия, тем больше у нас скитаний и блужданий. Много в богоискательстве последних лет уродливого, но и богоискательство - все же признак того, что неспокойно на душе у русского человека, нет европейского самодовольства. Народ же ищет праведной земли и резко протестует против того, что этой земли не показано на карте ученых. Без надежды на возможность преобразования печальной и греховной действительности для русского нет смысла в жизни...

По этому представлению и наука должна служить не прогрессу, но преобразению; должна она показывать путь в праведную землю. И на самом деле, русская философия - философия религиозная. Европейцы невольно изумляются тому, что наша литература неизменно живет интересами религиозными. У нас великий художник слова начинает «Вечерами на хуторе близ Диканьки», а оканчивает «Размышлением о Божественной литургии». Вместе с тем, для нашей литературы высшая ценность - душа человека, а не внешнее его положение в водовороте культурной работы. Русский писатель верит в осуществимость идеала преобразования, в торжество добра и правды, почему и нет для него погибших, нет для него гнилых досок, которые только затем и существуют, чтобы по ним ходили через грязь, не марая ног.

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал

И милость к падшим призывал».

Так писал Пушкин, а Достоевский повел нас в «мертвый дом» и заставил плакать от умиления пред красотой даже пре-

ступной души, показал нам «униженных и оскорбленных», и увидели мы богатство их души; у него убийца и блудница читают о воскрешении Лазаря; он потрясает нас образами Сони Мармеладовой в «Преступлении и наказании», Грушеньки в «Братьях Карамазовых», Настасьи Филипповны в «Идиоте». У него «преступление» обращается в «историю постепенного обновления человека, историю постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой» («Преступление и наказание»). Даже неверующий, как рационалист, в Христово воскресение, как художник. Толстой пишет о нравственном «воскресении» человека. Всюду мы видим стремление к преобразению и веру в его возможность. «Всеобщее исцеление во всеобщем преобразении - в разных видоизменениях мы находим эту мысль у великих наших художников, у Гоголя, Достоевского, даже хотя и в искаженном, рационализированном виде - у Толстого, а из мыслителей - у славянофилов, у Федорова, у Соловьева и у многих продолжателей последнего». У нас в 1914 году в Москве русский князь и профессор университета в многолюдном собрании читает о «Свете Фаворском и преобразении ума». У нас и легкомысленный и далеко не безгрешный поэт в дивные стихи облекает покаянную молитву преподобного Ефрема Сирина и признается:

«Всех чаще мне она приходит на уста -
И падшего свежит неведомою силой».

Почему так? Да потому, конечно, что русской душе всегда понятна, близка и дорога цель всех сирийских и египетских аскетов-подвижников; эта цель - «сердцем взлетать во области заочны».

Но на этом пути «во области заочны» лежит постоянное и нелегкое препятствие.

Напрасно я бегу к сионским высотам -
Грех алчный гонится за мною по пятам.

Грех - вот самый главный враг преобразования. Отсюда у носителя идеала преобразования особое религиозное ощущение греха. Религиозное ощущение греха есть душевная мука и страдание. Это та мука душевной раздвоенности, которую так ярко описал апостол Павел в Послании к Римлянам. В восприятии и переживании греха и сказывается особенно ярко духовное превосходство русского пред европейцем. Европейец, можно сказать, утерял религиозное ощущение греха; оно кажется ему устарелым средневековым предрассудком. Вот почему грех перестал быть для него ужасом и мукой душевной. Грех обратился

для европейца в веселый анекдот. Описывая грех, европейец смеется, а иногда сам грех облакает в столь эстетически-прекрасные одежды, что грех начинает быть привлекательным. Конечно, грешат и в России, как и в Европе, немало, но каются по-разному. Запад знает «холодное неверие». Русский, по словам Герцена, потеряв веру, тотчас уверует в неверие и станет его самоотверженным апостолом. В Европе Ренан, Штраус и Древис пишут хулы на Христа легко, свободно и красиво и, как ни в чем не бывало, доживают свой век спокойными буржуа. Там во время публичных диспутов на эстраде решают вопрос об историческом существовании Христа, а сами в это время кушают бутерброды и пьют пиво. Европейский Иуда, предав Христа, спокойно прячет сребренники в карман и обращает их потом в доходную ренту. Русский же Иуда, предав Христа, бросает сребренники и беспокойным взором ищет дерева, чтобы удавиться. Неверие для русского есть ужас и душевный надрыв. У Достоевского даже каторжники кричат Раскольникову: «Ты - безбожник! Ты в Бога не веруешь! убить тебя надо!»

А как наши писатели изображают порок и преступление! Я затрудняюсь назвать из русских писателей кого-нибудь, кто изображал бы порок в привлекательном свете. Порочные люди в изображении наших писателей до самых новейших, до Куприна и Арцыбашева включительно, - люди несчастные, страдающие; они ощущают настоящий ад в своей душе. Греховное человечество в изображении наших писателей люте страждет и зле беснуется (см.: Мф.17:15), ввергается многожды в огонь и в воду. Для наших писателей грех есть «тьма», «бездна», «яма» и «у последней черты», по их представлению, - страдание, ужас и отчаяние. Для русской души нет счастья и радости в грехе; она страдает от греха, потому что стремится к преображению, а грех мешает не прогрессу, но преображению. Ве-

сельные песни земли, восторженные гимны прогрессу не могут заменить для русской души прекрасных звуков Небес; знает и понимает она, что Небесная песня не слагается из грохота машин и треска орудий и что ноты этой песни не в чертежах и сметах инженеров.

Итак, если идеал Запада - прогресс, то русский народный идеал - преображение. Русский народ стремится к городу, которого строитель и художник - Бог (см.: Евр.11:10), и может сказать с апостолом: Вышний Иерусалим свободен: он - мать всем нам (Гал.4:26).

Развертывающаяся пред нами великая борьба народов есть борьба двух идеалов: прогресс хочет уничтожить преображение, забывая слово Христа о том, что врата ада не одолеют истины.

В истории Московской духовной академии мы стоим на грани двух столетий, и нам весьма полезно, хотя бы под давлением грандиозных событий, напомнить себе о религиозном идеале Православия и жизненном идеале русского народа. Нам нет особенной нужды подсчитывать, что сделала наша родная духовная школа для материального прогресса. Лучше подумать о том, что она сделала для духовного преображения нашего родного православного народа. А вступая во второе столетие родной и дорогой академии, будем каждый иметь в качестве руководящего светоча наш русский идеал преображения, чтобы, когда придет время трудиться на ниве народной, не подавать жесткого европейского камня тому, кто просит настоящего русского хлеба.

Речь профессора Императорской Московской Духовной Академии Архимандрита Илариона, сказанная в академической аудитории 3 сентября 1914 года, Сергиев Посад.

В нашей газете речь приведена с небольшими сокращениями, подчеркивания редакции.

* * *

P.S. Минуло еще сто лет с тех пор, как произнес эту вдохновенную речь будущий архиепископ, священномученик, а тогда 28-летний профессор Духовной академии. Невозможно не заметить, как актуальны эти слова и сегодня. И опять цивилизованный мир ведет войны во имя прогресса. А что же мы, русские? Что для нас, нынешних православных россиян важнее: прогресс или преображение? В чем сейчас наш идеал - в материальном благополучии, в телесном здравии и успешной работе (именно это ведь и желаем мы друг другу по большим праздникам). Не готовы ли мы сейчас продать душу и Родину, позарившись на достижения прогрессивного Запада в науке, технике, медицине, образовании и прочих материальных удобствах? Хочется верить, что нет, и даже есть уверенность, что много таких русских людей, кому дороже идеал вечный и высший - победить в себе грех и соединиться с Господом.

Рождественские истории

Рождественский, или святочный, рассказ - это популярный и любимый литературный жанр даже в наше время. И хотя некоторые модные современные писатели, например Майя Кучерская, считают, что он безнадежно устарел, это совершенно не так.

Рождественские истории сочиняют и сейчас, в том числе и родители для своих детей. А некоторые даже печатаются. Вот уже много лет мы возвращаемся к рождественским пьесам Марии Блинской из Санкт-Петербурга, которые она сочинила для своих детей, и ставим их в нашей воскресной школе.

Все святочные рассказы написаны на основе одного сюжета - Рождества Христова. При этом они все разные! Многие великие русские писатели оставили нам свои Рождественские истории: Куприн, Чехов, Достоевский, Шмелев, Лесков. Они всегда немножко грустные, трогательные, но всегда в них ждет нас чудо. Это чудо происходит с нашим сердцем, в нашем сердце, чудо преображения. А еще эти рассказы не заканчиваются с финальной точкой, и мы всегда стоим перед размышлениями: «А что же дальше?» И это «дальше» важно и для нас, и в нашей жизни. Что будет с девочкой Катей и ее родителями?

Прочитав рассказ Валерия Брюсова, русского писателя и поэта начала XX века, «Дитя и безумец», может быть каждый задумается, а что же делать дальше мне, как жить, если Христос родился, чтобы спасти и меня.

В.Я.Брюсов. «Дитя и безумец»

Маленькая Катя спросила:

- Мама, что сегодня за праздник? Мать отвечала:

- Сегодня родится Младенец Христос. Тот, Который за всех людей пролил кровь?

- Да, девочка.

- Где же Он родится?

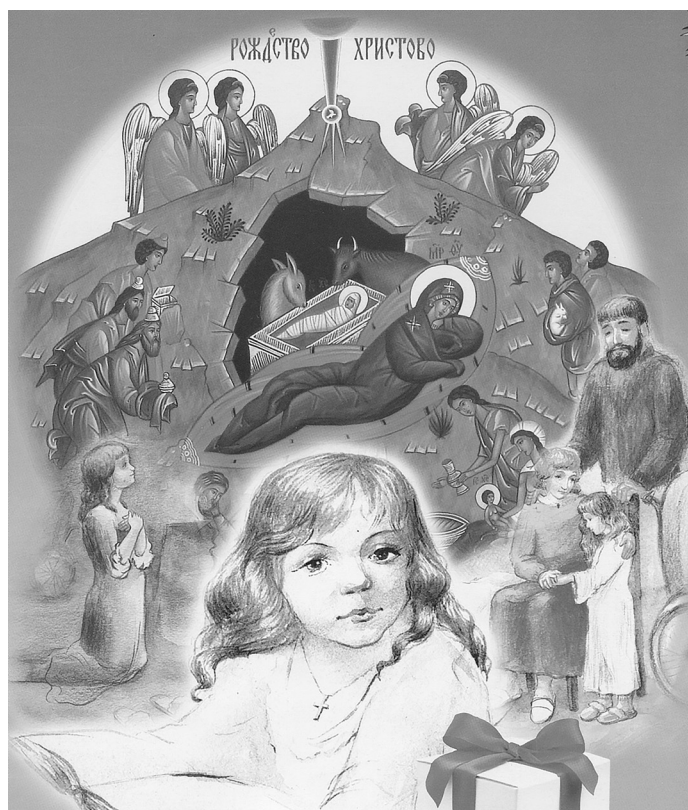
- В Вифлееме. Евреи воображали, что Он придет как царь, а Он родился в смиренной доле.

Ты помнишь картинку: Младенец Христос лежит в яслях в вертепе, так как Святому

Семейству не нашлось приюта в гостинице? И туда приходили поклоняться Младенцу волхвы и пастухи.

Маленькая Катя думала: «Если Христос пришел спасти всех людей, почему же пришли поклониться Ему только волхвы и пастухи? Почему не идут поклониться Ему папа и мама, ведь Он пришел и их спасти?» Но спросить обо всем этом Катя не смела, потому что мама была строгая и не любила, когда ее долго расспрашивают, а отец и совсем не терпел, чтобы его отрывали от книг. Но Катя боялась, что Христос прогневается на папу и маму за то, что они не пришли поклониться Ему. Понемногу в ее голове стал складываться план, как пойти в Вифлеем самой, поклониться Младенцу и просить прощения за папу и маму.

В восемь часов Катю послали спать.

Мама раздела ее сама, так как няня еще не вернулась от всенощной. Катя спала одна в комнате. Отец ее находил, что надо с детства приучать не бояться одиночества, темноты и прочих, как он говорил, глупостей. Катя твердо решила не засыпать, но, как всегда с ней бывало, это ей не удалось. Она много раз хотела не спать и подсмотреть, все ли остается ночью, как днем, стоят ли дома на улицах, или они на ночь исчезают,

- но всегда засыпала раньше взрослых. Так случилось и сегодня. Несмотря на все ее старание не спать, глаза слиплись сами собой, и она забылась.

Ночью, однако, она вдруг проснулась. Словно ее разбудил кто-то. Было темно и тихо. Только из соседней комнаты слышалось сонное дыхание няни. Катя сразу вспомнила, что ей надо идти в Вифлеем. Желание спать прошло совершенно. Она неслышно поднялась и начала, торопясь, одеваться. Обыкновенно ее одевала няня, и ей очень трудно было натянуть чулки и застегнуть пуговочки сзади. Наконец, одевшись, она на цыпочках пробралась в переднюю. По счастью, ее шубка висела так, что она могла достать ее, встав на скамейку. Катя надела свою шубку из гагачьего пуха, гамаша, ботинки и шапку с наушниками. Входная дверь была с английским замком, и Катя умела отпирать ее без шума.

Катя вышла, проскользнула мимо спящего швейцара, отперла наружную дверь, так как ключ был в замке, и очутилась на улице.

Было морозно, но ясно. Свет фонарей искрился на чистом, чуть-чуть заледеневшем снегу. Шаги раздавались в тишине четко.

На улице никого не было. Катя прошла ее до угла и наудачу повернула направо. Она не знала, куда идти. Надо было спросить. Но первый встретившийся ей господин был так угрюм, так торопился, что она не посмела. Господин посмотрел на нее из своего поднятого мехового воротника и, не сказав ни слова, зашагал дальше. Вторым встречным был пьяный мастеровой. Он что-то крикнул Кате, протянул к ней руки, но, когда она в страхе отбежала в сторону, тотчас забыл про нее и пошел вперед, затянув песню.

Наконец, Катя почти наткнулась на высокого старика, с седой бородой, в белой папахе и в дохе. Старик, увидав девочку, остановился. Катя решила спросить его:

- Скажите, пожалуйста, как пройти в Вифлеем?

- Да ведь мы в Вифлееме, - отвечал старик.

- Разве? А где же тут вертеп, где в яслях лежит Младенец Христос?

- Вот я иду туда, - отвечал старик.

- Ах, как хорошо, не будете ли добры проводить и меня? Я не знаю дороги, а мне очень нужно поклониться Младенцу Христу.

- Пойдем, я тебя проведу.

Говоря так, старик взял девочку за руку и повел ее быстро. Катя старалась поспевать за ним, но ей это было трудно.

- Когда мы торопимся, - решила она наконец сказать, - мама берет извозчика.

- Видишь ли, девочка, - отвечал старик, - у меня нет денег. У меня все отняли книжники и фарисеи. Но давай я понесу тебя.

Старик поднял Катю сильными руками и, держа ее как перышко, зашагал дальше. Катя видела перед собой его включенную седую бороду.

- Кто же вы такой? - спросила она.

- А я - Симеон Богоприимец. Видишь ли, я был в числе семидесяти толковников.

Мы переводили Библию. Но, дойдя до стиха «Се дева во чреве приемлет...», я усомнился. И за это должен жить, доколе же сказанное не исполнится. Доколе я не возьму Сына Девы на руки, мне нельзя умереть. А книжники и фарисеи стерегут меня зорко.

Катя не совсем понимала слова старика. Но ей было тепло, так как он запахнул ее дохой. От зимнего воздуха у нее кружилась голова. Они все шли по каким-то пустынным улицам, ряды фонарей бесконечно уходили вперед, суживаясь в точку, и Катя не то засыпала, не то только закрывала глаза.

Старик дошел до деревянного домика в предместье и сказал Кате:

- Здесь живет слуга Ирода, но он мой друг, и я войду.

В окнах был еще свет. Старик постучался. Послышались шаги, скрип ключа, дверь отворилась. Старик внес Катю в темную переднюю. Перед ними в полном изумлении стоял немолодой уже человек в синих очках.

- Семен, - сказал он, - это ты? Как ты попал сюда?

- Молчи. Я обманул книжников и фарисеев и темничных сторожей. Сегодня праздничная ночь, они менее бдительны. Вот я и убежал.

- А шуба у тебя чья?

- Я взял у смотрителя. Но это я возвращу.

Я еще вернусь. Пусть мучают, но мне надо было пойти, я должен увидеть Христа, иначе мне нельзя умереть.

- Но что же это за девочка? - воскликнул господин в очках, который лишь теперь рассмотрел Катю.

- Она тоже идет в вертеп.

- Да, мне надо поклониться Младенцу Христу, - вставила Катя.

Господин в очках покачал головой. Он

взял Катю от старика, отнес ее в соседнюю комнату и передал какой-то старушке. Катя еще говорила, что ей надо идти, но она так устала и замерзла, что не очень сопротивлялась, когда ее раздели, натерли вином и уложили в теплую постель. Она уснула тотчас.

Старика тоже уложили.

На другой день через участок и родители отыскали Катю, и смотрители сумасшедшего дома - своего бежавшего пациента. Дитя и безумец - оба шли поклониться Христу. Благо тому, кто и сознательно жаждет того же.

* * *

В сознании западных христиан Рождество - главный праздник. Не случайно поэтому в европейской литературе так много Рождественских рассказов. Иногда нам, православным кажется, что за бытовой, обрядовой стороной праздника там часто забывают, для чего же Бог пришел к людям. Все у них там хорошо, на благополучном Западе, а христиане-протестанты вообще уверены в своем будущем райском блаженстве, только стоит признать себя верующим во Христа. Вот, наверное, поэтому так чтится этот праздник на Западе. А между тем Честертон в своих размышлениях «Бог в пещере» написал: «Для нас Рождество едино и по-детски просто. Однако, как и все в христианстве, оно и очень сложно. В нем есть и смирение, и веселье, и благодарность, и мистический трепет, и, кроме всего этого, бдение и беда. Это не только праздник миротворцев, как не только праздник весельчаков».

Наверное мало кто читал Рождественские истории Агаты Кристи - королевы детективов. Она была воспитана в протестантской семье и обратилась к жанру рождественской притчи в конце жизни. Мы приводим одну из ее притч-миниатюр «Ослик-шалун». О чем хотела напомнить Агата Кристи? Может быть о том же, что близко и нам, православным христианам: за Рождеством следует страдания не только рожденного Бога, но и наши беды и страдания, наше восхождение к Богу и с Богом через преодоление своего падения.

Агата Кристи «Ослик-шалун»

Жил да был непослушный ослик. Ему очень нравилось шалить. Положат ему на спину тюк или иную кладь — он тут же всё сбросит, да ещё гоняется за людьми, норовя их укусить. Хозяин ничегошеньки не мог с ним поделаться и продал. Новый хозяин тоже не справился, перепродал, и в конце концов ослика приобрёл за несколько грошей мерзкий старикашка, который обычно скупал старых, заезженных ослов, и они дохли у него как мухи — от дурного обращения и непосильной работы. Но непослушный молодой ослик сам принялся гонять да кусать старика, а потом и вовсе сбежал от него, лягая всех, кто попадался ему на пути. Он вовсе не хотел, чтобы его снова поймали, и решил примкнуть к тянувшемуся по дороге каравану. «В этой толпе никто и не поймёт, что я ничей», — рассудил ослик.

Все эти люди направлялись в город Вифлеем, а добравшись туда, пришли в большой сарай, и без того битком набитый людьми и всякой живностью.

Ослик проскользнул в прохладное уютное стойло, где соседями его оказались бык и верблюд. Верблюд был чванлив, как прочие его сородичи, а всё оттого, что

верблюды мнят, будто знают сотое, тайное имя Бога. И в высокомерии своем верблюд не удостоил ослика даже словом. Тогда ослик принялся хвастать. Он вообще любил прихвастнуть.

— К вашему сведению, я непростой, очень даже непростой осел, — сказал он. — У меня есть переднее и заднее зрение.

— Что за чудеса? — удивился бык.

— Ну, есть же у меня передние ноги. Они спереди. А задние — сзади. Кстати, моя пра-пра-пра-в-тридцать-сдьмом-колене-бабка принадлежала пророку Валааму и собственными глазами видела ангела Божьего.

Однако соседи ослика не спешили развесить уши. Бык продолжал жевать жвачку, а верблюд гордо взирал поверх всех голов.

Тут пришли мужчина с женщиной, и поднялась суматоха, но ослик вскоре выяснил, что особых причин суетиться нет, просто женщина собралась рожать, то есть заниматься вполне житейским делом. Когда младенец появился на свет, в хлев набегали пастухи и принялись хвалить его на все лады. Да что с них, пастухов, взять?

Народ-то темный.

Тут появились другие люди, в длинных богатых одеждах.

— VIРы, — презрительно сплюнул верблюд.

— Кто-кто? — спросил ослик.

— Очень важные персоны, — пояснил верблюд. — Дары принесли. Ослик рассчитывал, что дары наверняка съедобные и вкусные.

Поэтому, едва стемнело, он стал тыкаться носом в подношения. Только первый дар оказался желтым, твердым и безвкусным, от второго ослик страшно расчихался, а лизнув третий, понял, что на вкус он гадкий и горький.

— Дурацкие дары, — разочарованно сказал ослик возле самых яслей с младенцем.

Малыш вдруг протянул ручонку и ухватил ослика за ухо. Да так крепко, как хватают только очень маленькие дети.

И тут случилось необъяснимое. Ослик не стал шалить и брыкаться. Впервые в жизни он захотел быть хорошим. И тоже подарить младенцу подарок. Только у него ничего не было. Разумеется, малышу понравилось его ухо, но... Ухо-то все-таки часть самого ослика! Что же делать? И в голову ему пришла престранная мысль. А что, если подарить младенцу себя самого?

Вскоре в хлев вернулся Иосиф в сопровождении высокого незнакомца. Тот что-то говорил, поспешно и отрывисто, и вдруг... Ослик смотрел и не верил своим глазам! Незнакомец словно растворился в воздухе, а на его месте оказался ангел Божий, весь золотой и с крыльями. А потом он снова обернулся простым человеком.

«Чур меня! — подумал ослик. — Примерещится же. Переел я, видно, чего-то».

Иосиф обратился к Марии.

— Надо спастись. Бежать, не теряя ни минуты. — Взгляд его остановился на ослике.

— Возьмем этого осла, а хозяину его, кто бы он ни был, оставим денег. Главное — не терять времени.

И они поспешили прочь из Вифлеема. Но в самом узком месте путь им преградил Божий ангел с пылающим мечом. Ослик

обошел его и стал карабкаться без дорог на горную кручу. Иосиф хотел было развернуть его обратно, но Мария сказала:

— Пускай идет, может, ему виднее. Вспомни Валаама и его ослицу.

Не успели они скрыться под сенью олив, как по нижней дороге пронеслись солдаты царя Ирода.

«Я спас хозяина! Прямо как прабабка! — обрадовался ослик. — Интересно, а будущее мне тоже дано видеть?»

Он зажмурился и разглядел смутную картинку: осел падает в пропасть, а человек помогает ему оттуда выбраться.

«Ба, да это же хозяин, только совсем взрослый», — осенило ослика.

А потом он увидел другую картину: тот же человек въезжает в город верхом на осле.

«Ну конечно, — сказал себе ослик. — Ему суждено стать царем! Его коронуют».

Только корона оказалась не золотой, а терновой. (Сам-то ослик обожал и терн, и чертополох, но подозревал, что короны из них делать все-таки негоже.) А еще он почуял запах, который знал и которого боялся. Пахло кровью, как тогда, в кошаре. И губку он увидел, пропитанную чем-то едким и горьким.

И ослик вдруг понял, что не хочет знать ни будущего, ни прошлого. Он хочет жить сегодняшним днем, любить своего маленького хозяина, и чтобы тот его тоже любил. Главное — благополучно доставить младенца и его мать в Египет.

* * *

P.S. А мне подумалось, что христианские писатели, независимо от конфессиональной принадлежности, удивительным, чудесным образом, прозревают и передают литературными средствами и образами то, что трудно порой объяснить богословским языком.

Материал подготовила Татьяна Грицышина

Расписание богослужений

28 декабря, воскресенье
Неделя 29-я по Пятидесятнице, святых праотец
Свт. Стефана Сурожского.
8.30 Часы. Литургия

30 декабря, вторник
17.00 Молебен пред иконой «Знамение»

31 декабря, среда
17.00 Новогодний молебен

2 января, пятница
Прав. Иоанна Кронштадского
8.30 Исповедь. Часы. Литургия

3 января, суббота
Свт. Петра, митр. Московского
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
16.45 Всенощное бдение. Исповедь.

4 января, воскресенье
Неделя 30-я по Пятидесятнице, пред Рождеством
Христовым, святых отец
Вмц. Анастасии Узорешительницы
8.30 Часы. Литургия

5 января, понедельник
17.00 Вечерня. Утреня. Исповедь.

6 января, вторник
Навечерие Рождества Христова (сочельник)
8.00 Царские часы. Вечерня с литургией свт. Василия
21.30 Всенощное бдение

7 января, среда
Рождество Христово
0.30 Ранняя литургия
9.30 Поздняя литургия

8 января, четверг
Собор Пресвятой Богородицы
8.30 Часы. Литургия

9 января, пятница
Первомуч. и архидиака. Стефана
8.30 Часы. Литургия

10 января, суббота
Мчч. 20000 Никомедийских
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
16.45 Всенощное бдение. Исповедь.

11 января, воскресенье
Неделя 31-я по Пятидесятнице, по Рождестве
Правв. Давида царя, Иосифа Обручника и Иакова,
брата Господня. Мучч. 14000 младенцев Вифлеемских
8.30 Часы. Литургия

13 января, вторник
16.45 Всенощное бдение. Исповедь

14 января, среда
Свт. Василия Великого
8.30 Часы. Литургия

15 января, четверг
Прп. Серафима Саровского
8.30 Часы. Литургия

16 января, пятница
9.00 Царские часы навечерия Богоявление.

17 января, суббота
Собор 70-ти апостолов
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
16.45 Всенощное бдение. Исповедь.

18 января, воскресенье
Неделя 32-я по Пятидесятнице, пред Богоявлением
Навечерие праздника Крещения (сочельник)
8.30 Часы. Литургия. Вечерня с чтением паримий.
Великое освящение воды
21.30 Всенощное бдение

19 января, понедельник
Крещение Господне. Богоявление
0.30 Ранняя литургия. Великое освящение воды
9.00 Поздняя литургия. Великое освящение воды

20 января, вторник
Собор Св. Пророка и Крестителя Господня Иоанна
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
17.00 Молебен пред иконой «Знамение»

24 января, суббота
Прп. Феодосия Великого
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
16.45 Всенощное бдение. Исповедь.

25 января, воскресенье
Неделя 33-я по Пятидесятнице, о Закхее
Мч Татьяны и иже с нею в Риме пострадавших,
Свт. Саввы Сербского
8.30 Часы. Литургия

27 января, вторник
Отдание Богоявления
Равноап. Нины, просветительницы Грузии
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
17.00 Молебен пред иконой «Знамение»

31 января, суббота
Свт. Афанасия и Кирилла Александрийских
Прп. Кирилла и Марии Радонежских
8.30 Исповедь. Часы. Литургия
16.45 Всенощное бдение. Исповедь.

1 февраля, воскресенье
Неделя о мытаре и фарисее
Прп. Макария Египетского
Свт. Марка Ефесского
8.30 Часы. Литургия

3 февраля, вторник
17.00 Молебен пред иконой «Знамение»

6 февраля, пятница
Блж. Ксении Петербургской
8.30 Исповедь. Часы. Литургия